СТУДЕНТ И ИСТОРИЯ

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович – д-р филос. наук, проф., НИЯУ МИФИ, НИУ МЭИ, Институт социологии РАН. E-mail: sympathy_06@mail.ru

Аннотация. В статье на основе данных социологических опросов рассматриваются ключевые вопросы изучения и преподавания истории в системе высшего образования Российской Федерации. Дается характеристика уровня исторических знаний студентов и их отношения к учебному предмету «История». Анализ проводится дифференцированно по укрупненным группам специальностей (гуманитарные и технические).

Ключевые слова: история, историческое образование, исторические компетенции, историческое познание, эпистемологический статус истории, социология образования

Для цитирования: Андреев А. А. Студент и история // Высшее образование в России. 2016. № 7 (203). С. 38–44.

История тесно связана с современностью, а современность – с историей. Историческое сознание выполняет чрезвычайно важную социальную функцию: оно образует основу нашей идентичности и служит источником образов и представлений, соединяющих разрозненных индивидов в то, что мы называем обществом. Вместе с тем исторический опыт во многом определяет и пути его дальнейшего развития. Поскольку прошлое нам в целом известно, а грядущее – нет, именно образы истории формируют своего рода матрицу смыслов, позволяющих осуществить первичную идентификацию вновь возникающих тенденций, явлений и общественно значимых персонажей: известно, например, что якобинцы времен Французской революции отождествляли себя с Брутом и другими римскими республиканцами, а Ленин и большевики, в свою очередь, видели в себе продолжателей дела якобинцев. Логично утверждать, что одни формы исторического сознания способствуют формированию комплекса факторов инновационного развития, другие же замедляют или даже блокируют этот процесс. И когда в обществе нарастает потребность в саморефлексии (например, в связи с необходимостью скорректировать модель его развития), усиливается и инте-

рес к истории, который порой даже перерастает в массовое увлечение.

Поэтому выработка навыков понимания истории и ее основательное изучение являются одним из самых важных условий подготовки эффективных интеллектуальных элит. Причем – и это надо особо подчеркнуть – независимо от их профессиональной специализации. Особенно важно отметить, что исторические знания составляют специфический фон, на котором формируются креативные интеллектуальные среды [1]. Но вот что удивляет: несмотря на то, что в последние годы было немало сделано и для противодействия фальсификациям истории, и для прояснения недостаточно изученных ее эпизодов, и для популяризации исторических знаний, и для разработки концепции единого учебника, состояние исторического образования в высшей школе в целом осталось вне зоны общественного внимания и тем более широкого обсуждения. То, что *систематический* курс отечественной истории является обязательным компонентом Федерального стандарта высшего образования независимо от направления подготовки, надо рассматривать как важное преимущество российской системы образования. Однако это *в принципе*; на практике же надо учитывать, что любые преимущества надо еще уметь реализовы-

вать. Значит, должна быть организована деятельность по постоянной корректировке текущих образовательных задач, используемых средств и получаемых результатов, основой которой должен быть мониторинг динамики исторического сознания в ее соотношении с базовыми параметрами стратегии российской модернизации. Только так можно вырастить интеллектуалов, способных справляться с вызовами стремительных социокультурных изменений, которые ждут нас в XXI веке.

Разумеется, это более широкая постановка вопроса, чем предельно формализованный «обнадзор». Но ведь развитие образования – это такая сфера, где более всего требуется многофакторное мышление, способное видеть главные тенденции развития на длинных временных горизонтах. Так называемый компетентностный подход в том его варианте, который утвердился в нашей образовательной практике в последние полтора–два десятилетия, мало что дал для модернизации преподавания истории. Прежде всего, конечно, потому, что качество того «продукта», который этим преподаванием создается, невозможно оценивать в компетенциях. Ведь историческое сознание – это не только «знать – уметь – владеть», но еще и «отстаивать», «сочувствовать», «идентифицировать», «устанавливать смыслы», «извлекать уроки»... А в некоторых случаях также и осуществлять экзистенциальный выбор. Когда известный специалист по методике преподавания истории на форуме по гражданскому воспитанию сравнивает георгиевскую ленточку с носовым платком – это вряд ли можно объяснить недостаточной компетентностью. Здесь речь должна идти о «картине мира», а кроме того, наверно, и о складе души. И в том, и в другом случае мы имеем дело не столько с предметами дидактики, сколько с комплексной проблемой социальной и когнитивной психологии, социологии, а в конечном счете – также и философии.

В настоящее время наше внимание сконцентрировано на двух звеньях образовательного процесса. Первое из них – текстовые носители компетентностей, к которым могут быть отнесены как учебники и учебные пособия, так и конструируемые по «компетентностным» схемам и правилам программно-дидактические материалы: учебно-методические комплексы (УМК), рабочие программы и др. Второе – это контрольные инструменты, предназначенные, как считается, для оценки степени усвоения учебного материала, хотя, в сущности говоря, они позволяют лишь проверить способность обучаемого к чисто техническому воспроизведению отдельных его фрагментов и не дают представления о том, какая картина истории реально складывается в его сознании. Таким образом, здесь неявно принимается своего рода интерналистская концепция образования: «экран сознания» изучающего историю студента как бы напрямую соотносится с «проектором» – текстуальными «носителями компетенций». Но, в отличие от физики и математики, изучение исторических процессов всегда опосредствовано влиянием социальных сред, жизненной обстановки, альтернативных источников информации и в какой-то мере даже психологическим складом личности. Все это так или иначе необходимо учитывать в плане дидактики, проектируя образовательный процесс таким образом, чтобы, во-первых, эффективно компенсировать различные искажения исторической правды и, во-вторых, дифференцированно актуализировать те пласты исторического сознания, которые создают почву для социальной стабильности и мотивационный фон для динамичного инновационного развития страны.

Для того чтобы концептуально выделить такую образовательную стратегию и указать на ее специфические особенности, следует предложить подходящий для этого термин, например «адресная дидактика». Отправным пунктом и одновременно целе-

вым ориентиром адресной дидактики, на наш взгляд, следует считать комплексный анализ динамики исторического сознания, которую, понятно, надо рассматривать не изолированно, а в контексте других социальных и социокультурных процессов. Используемые ныне педагогические технологии не предусматривают столь широких подходов. Но, в сущности говоря, только так можно выявить «точки напряжения» и действительные проблемы исторического просвещения, понять, на что сегодня следует обратить первостепенное внимание, что нуждается в корректировке и как именно должно строиться преподавание истории – не «вообще», а применительно к конкретному состоянию социума.

Какой же предстает история в сознании младшего поколения российской интеллигенции? Насколько оно ценит исторические знания? Какие взгляды на исторические эпохи и события бытуют ныне в студенческой среде? Ответы на эти вопросы можно получить, обратившись к данным социологических исследований. Так, на протяжении почти двух десятилетий данная тема изучалась лабораторией социологических исследований НИУ МЭИ – в основном на основе опросов, проводившихся в ведущих московских вузах, с привлечением сравнительных данных по учебным заведениям, расположенным в ряде других крупных городов страны. Помимо НИУ МЭИ, сотрудниками лаборатории одновременно опрашивались студенты МГТУ им. Н.Э. Баумана, НИЯУ МИФИ, РХТУ им. Д.И. Менделеева, НИУ МГСУ, НИУ МАИ, Московского технического университета связи и информатики (МТУСИ), ВГИК им. С.А. Герасимова, Московского машиностроительного университета, Государственного академического университета

гуманитарных наук, Ульяновского университета и др. (в разные годы список вузов, на базе которых конструировалась выборка, несколько варьировался). Кроме того, довольно богатую информацию, в основном сравнительного плана, можно получить из материалов всероссийских социологических опросов, которые в разные годы проводились Институтом социологии РАН и другими исследовательскими центрами страны¹.

Начнем с самого общего и в известной степени предварительного вопроса: насколько история как общеобразовательный предмет вообще интересует тех юношей и девушек, которые выбрали для себя какую-то другую специальность? Полученные нами ответы говорят за то, что полностью равнодушных к этому предмету среди студентов немного: не более 4% в технических вузах и менее 2% в гуманитарных выразили несогласие с тем, что знать и понимать историю необходимо. Довольно высоки и индикаторы личного интереса к изучению истории: 87% – среди будущих инженеров и 93% – среди гуманитариев. При этом приблизительно треть полагают, что можно удовлетвориться объемом знаний в пределах программы, а более половины (59% юношей и около 66% девушек) считают, что этих знаний недостаточно, и каждый должен по мере возможностей пополнять свою историческую эрудицию. Делают ли они это на практике? Судя по ответам, да. Почти треть опрошенных сообщили нам, что для этого они хотя бы периодически обращаются к популярной литературе и исторической публицистике (это больше, чем доля читающих стандартные учебники). Некоторые студенты иногда обращаются к специальным работам и мемуарной литературе, но в целом это чтение особой попу-

В данной статье использованы в основном данные, полученные Лабораторией социологических исследований МЭИ в 2015 г. Объем выборки N=1236, из них почти половина обучаются по программе бакалавриата, чуть менее 34% – магистратуры, 15% – специалитета и около 3% – аспирантуры. Использование данных других опросов оговорено ссылкой.

лярностью не пользуется. Исторические романы ныне тоже не слишком популярны – их любят менее пятой части опрошенных. Лучшим литературным произведением на историческую тему студенты считают «Войну и мир» – этот знаменитый роман отметили в качестве самой любимой книги данного жанра примерно четверть опрошенных. Довольно часто фигурировали в ответах респондентов и такие произведения, как «Капитанская дочка», «Тихий Дон», «Поднятая целина», «А зори здесь тихие...», «Белая гвардия», «Петр I», «Тарас Бульба» и ряд др. Среди зарубежных авторов популярны Дюма и Ремарк, но в меньшей степени, чем русские классики. Исторические фильмы для молодых людей, конечно, интереснее литературы. Но, вопреки тому, что можно было бы предположить, предпочтение при этом отдается документальному, а не художественному кино. Документальные фильмы на исторические темы смотрят около половины студентов, среди аспирантов же данная цифра доходит до 73%.

Полученные знания и впечатления не лежат на душе мертвым грузом. Они довольно активно привлекаются к разговору в повседневном общении. Свыше половины опрошенных (в зависимости от курса цифры немного варьируются) указали на то, что обсуждают различные аспекты истории России с родителями, членами семьи и друзьями. Преподаватели в таких разговорах участвуют в три–четыре, а аспиранты в пять раз реже; в последнем случае, впрочем, сказывается то, что в аспирантуре история как таковая не изучается (за исключением, конечно, профильных отделений и факультетов университетов). При этом собеседники, как правило, демонстрируют близость или единство взглядов, и это говорит о том, что родственные и дружеские связи в российском социуме в значительной мере предполагают если не единомыслие, то единство ценностных ориентаций. (Западные общества, насколько мы можем судить, менее

однородны, и различия между поколениями там проявляются сильнее).

Какие же факторы информационного поля влияют на мировоззрение учащихся высшей школы, на их представления об истории? В этом вопросе проявились значительные различия между студентами и аспирантами. Сказывается, разумеется, и накопленный жизненный опыт, и навыки аналитического мышления. Согласно самоотчетам наших респондентов, для аспирантов это в первую очередь беседы с родителями и другими членами семьи, личный опыт и дополнительное чтение. Для студентов бакалавриата и магистратуры – преподаватели, учебники и исторические фильмы. Влияние СМИ на студентов также довольно значительно – его признают почти четверть опрошенных, тогда как среди аспирантов данный фактор назвали в качестве существенного менее 8%.

В ходе исследования студентам и аспирантам было задано несколько вопросов, характеризующих эмоционально-ценностное отношение к историческим эпохам, событиям и деятелям. Их формулировка текстуально совпадала с той, которая была использована в ряде всероссийских опросов, что позволяет сравнивать взгляды студенческой молодежи со взглядами россиян в целом. Так, мы поинтересовались точкой зрения наших респондентов на то, *что* россияне вправе рассматривать как предмет своей национальной гордости. Расстановка их приоритетов оказалась примерно такой же, какой она является в обществе в целом [2]. Свыше 58% в технических и 53% в гуманитарных вузах поставили на первое место Победу советского народа в Великой Отечественной войне, а около 40% тех и других добавили к этому силу духа россиян. Так же, как и большинство наших сограждан, российская учащаяся молодежь с большим уважением относится к достижениям отечественной науки и культуры. Однако гордость российской армией среди столично-

го студенчества примерно в два раза ниже, чем в обществе в целом.

Интересно было сопоставить «мнение всей земли» с теми оценками различных периодов истории страны, которые дает образованная часть молодежи. В настоящее время симпатии россиян к различным эпохам отечественной истории практически в равной мере разделились между «развитым социализмом» и нашим временем (после 2000 г.). Остальные же периоды подавляющему большинству не нравятся, причем особенно негативные оценки даются революции и последним полутора десятилетиям XX века («перестройка» и «лихие девяностые»). Симпатии и антипатии студенческой молодежи в целом близки к этому. Но выявилось и заметное отличие: этой части населения совершенно не свойственна ностальгия по периоду правления Брежнева. Похоже, молодые люди вполне комфортно чувствуют себя в условиях современной России: во всяком случае, 45% опрошенных предпочитают текущий период истории России всем остальным. Второе, третье и четвертое места, но с большим отрывом, заняли «серебряный век» (19% полученных в ходе опроса ответов), эпоха Петровских преобразований и Пушкинская эпоха (по 18%). Отметим, что «серебряный век» и Пушкинская эпоха особенно популярны у студентов-гуманитариев: доля тех, кто хотел бы жить в это время, в полтора–два раза превышает долю высказавших то же мнение среди их сверстников, обучающихся по программам инженерного образования.

Как воспринимают студенты преподавание истории и саму историческую науку? Похоже, что уровень преподавания истории нашу молодежь в целом устраивает. Однако обращает на себя внимание, что мастерство школьных учителей они в этом отношении оценили несколько выше, чем вузовских преподавателей. Характеризуя преподавание истории в школе, оценили его как отличное и очень хорошее свыше 60%

опрошенных, а в вузах – чуть менее половины. Оценки «плохо» и «очень плохо» и в том и в другом случае проставили примерно 16–17%. При этом приблизительно 30% считают историю наукой, основанной на объективных фактах. Доля студентов, воспринимающих ее как чистую мифологию, примерно в 10 раз меньше. В то же время многие (свыше 35%) соглашались с тем, что в исторических нарративах объективное знание переплетается с субъективными взглядами и определенными элементами мифологизации [3]. Следует ли из этого, что любая версия истории имеет право на существование и любая из них может быть предметом преподавания? Примерно четверть опрошенных так или иначе склонны с этим согласиться, но большинство все же признают необходимость некоторых общих ориентиров, выраженных в том числе и в едином учебнике истории.

Несмотря на широкое распространение дистанционных и электронных образовательных технологий, в сфере исторического просвещения старая добрая лекция сохраняет свой престиж и значение. Видимо, здесь особенно важна личность преподавателя, его позиция и внутренний «нравственный стержень», определяющий восприятие прошлого и настоящего. Семинарские занятия «по программе» представляются менее полезными, зато всех очень привлекают живые дискуссии. В этом отношении между студентами технических и гуманитарных специальностей есть определенные различия. Если для первых живая дискуссия предпочтительнее лекций (39% против 53%), то у вторых эти две формы освоения материала идут практически на равных (соответственно 58 и 57%). Самостоятельное изучение назвали в качестве формы, в наибольшей степени удовлетворяющей познавательные потребности, 30% будущих инженеров и 27% гуманитариев. А вот электронные средства и пособия проигрывают по степени востребованности и классическим лекциям, и семинарам, и самостоятельно-

му изучению исторических проблем. Так, среди обучающихся по инженерным специальностям они уступают популярности классических лекций примерно в 3,5 раза, а среди студентов-гуманитариев – в семь раз.

Если судить по самоотчетам наших респондентов, то занятия по истории они в целом посещают довольно охотно. Другое дело – как используется ими это время. Четверть студентов, выбравших для себя ту или иную техническую специальность, и более трети гуманитариев регулярно посещают занятия, стараются вникать в материал и читают рекомендованную литературу. Обычно бывают на лекциях и/или семинарах, но не проявляют большой активности (просто слушают): среди первых – свыше 60%, среди вторых – 53%. Пропустивших большинство занятий в общем объеме нашей выборки оказалось соответственно 10 и 6%. А не посещают занятия в течение семестра, приходят только на зачеты и экзамены около 4%.

Если оценивать уровень исторических знаний молодежи объективно, то он за последние 15–20 лет сильно упал. Можно сказать, что после 2000 г. в этой области произошла настоящая гуманитарная катастрофа: молодые люди с трудом идентифицируют даже очень известных деятелей прошлого, путаются в событиях и эпохах [4]. Тем не менее свыше 60% наших респондентов считают, что знают этот предмет, по крайней мере, на среднем уровне, во всяком случае – не хуже своих товарищей, а определяют свои знания как недостаточные, скудные примерно каждый шестой студент гуманитарного и каждый пятый технического направления подготовки. 57–58% опрошенных полагают, что более или менее ясно представляют себе исторический путь России, хотя признавшихся в том,

что у них нет такого представления, тоже оказалось немало – более трети.

Усилившиеся в последнее время тенденции интерпретировать историю в угоду политике российские студенты воспринимают довольно настороженно. С правоммерностью такого явления, как так называемая «историческая политика», соглашались лишь 6–7%, половина же считают историю делом специалистов, а 25–30% полагают, что историческая истина рождается в диалоге ученых, политиков, очевидцев тех или иных событий и гражданского общества в целом. Молодое поколение в целом идентифицирует себя с российской исторической традицией; считающих же, что наша «официальная история» сильно приукрашена и только зарубежные авторы могут открыть нам глаза на то, что происходило в действительности, в составе нашей выборки оказалось не более 5–7%. В то же время свыше половины опрошенных нами студентов выступают за диалог и открытое обсуждение. Они готовы согласиться и с негативными оценками отдельных эпизодов российской истории, но только в том случае, если доводы за такую негативную интерпретацию будут действительно неопровержимыми.

Литература

1. Андреев А.А. Университеты в контексте социальной истории: от «обучения культуре» к формированию креативных интеллектуальных сред // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 116–127.
2. О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь мир, 2013. С. 37–39.
3. Seixas P. (Ed). *Theorizing Historical Consciousness*. Toronto: Toronto University Press, 2004. 255 p.
4. Андреев А.А. Культурное пространство студента // Педагогика. 2003. № 10. С. 56–65.

Статья поступила в редакцию 22.05.16.

STUDENT AND HISTORY

ANDREEV Andrey L. – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Engineering Physics Institute and Moscow Power Engineering Institute, Chief researcher of the Institute of Sociology (RAS). E-mail: sympathy_06@mail.ru

Abstract. The article focuses on the key issues of studying and teaching history in the system of higher education of the Russian Federation, which are considered on the basis of the data of sociological surveys. The author gives a characteristic of the level of students' historical knowledge and their relationship to the academic subject «history». The analysis is differentiated by the integrated groups of specialties (humanities and engineering).

Keywords: history, historical education, historical competence, historical knowledge, epistemological status of history, sociology of education

Cite as: Andreev, A.A. (2016). [Student and History]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 7 (2016), pp. 38-44. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Andreev, A.L. (2013). [Universities in the Context of Social History: From “Education of Culture” to Formation of Creative Intellectual Environments]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 6, pp. 116-127. (In Russ., abstract in Eng.)
2. *O chem mechtayut rossiyane: ideal i realnost* [What Are the Russians Dreaming About]. Moscow: Ves Mir Publ., 2013, pp. 37-39. (In Russ.)
3. Seixas, P. (Ed). *Theorizing Historical Consciousness*. Toronto: Toronto University Press, 2004. 255 p.
4. Andreev, A.L. (2003). [Cultural Space of a Student]. *Pedagogika* [Pedagogics]. No. 10, pp. 56-65. (In Russ.)

The paper was submitted 22.05.16.

Сведения для авторов

К публикации принимаются статьи с учетом профиля и рубрик журнала объемом до 0,5 а.л. (20 000 знаков), в отдельных случаях – до 0,75 а.л. (30 000 знаков).

Статьи принимаются в электронном виде (текстовый редактор – Word, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 11, интервал – 1,5). Сложные рисунки и графики должны быть сделаны с учетом формата журнала (136 x 206 мм).

В присланном файле, помимо текста статьи, должна содержаться следующая информация на русском и английском языках:

- сведения об авторах (ФИО полностью, ученое звание, ученая степень, должность, место работы, адрес электронной почты каждого автора);
- название статьи (не более пяти слов);
- аннотация и ключевые слова;
- ссылки на источники (даются в порядке упоминания в квадратных скобках, оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008).

Материалы принимаются в редакции по адресу: 127550, Москва, ул. Прянишникова, д. 2А, тел. (499)976-07-46 и по электронной почте (vovrus@inbox.ru, vovr@bk.ru).